

ОТЗЫВ

официального оппонента – доктора философских наук,
доктора исторических наук, профессора **Скорика Александра Павловича**
на диссертацию **АВХОДЕЕВОЙ Евгении Андреевны**
**«Сохранение национально-культурной идентичности в условиях
открытого культурного пространства (на примере Китая)»**,
представленную на соискание учёной степени
кандидата философских наук по специальности
24.00.01 – теория и история культуры (философские науки)

В условиях открытого культурного пространства актуализируется проблема сохранения традиционных ценностей и нравственных идеалов, когда в современном мире практически потерпела фиаско концепция мультикультурализма, когда с большим трудом складывается диалог культур, когда порой не просто наладить межкультурные обмены. Для многих стран, в том числе России, на повестке дня стоит вопрос о защите культурного суверенитета от гуманитарной интервенции массовой западной культуры, в которой официально воспеваются ЛГБТ-сообщества, превозносятся квазиплюралистический нонконформизм журнала «Charlie Hebdo» и пр. Китай сегодня остаётся одной из немногих стран, способной дать свой собственный ответ на глобальные культурные вызовы. Поэтому научная постановка проблемы национально-культурной идентичности Поднебесной в кандидатской диссертации Е.А. Авходеевой весьма значима с научно-познавательной (культурологической), теоретико-методологической (философской), историко-культурной (в данном случае и квалификационной) точек зрения. И, безусловно, нельзя не видеть идейно-политической актуализации рецензируемого текста, акцентирующего внимание на понятиях добра и зла, традиционных семейных и нравственных идеалах и т.п., ведь для открытого культурного пространства исходит серьёзная угроза от экстремистских и террористических организаций, навязывающих культурную инверсию духовных учений, разжигающих кровопролитные войны и всепоглощающую ненависть среди народов.

В современном открытом культурном пространстве мы наблюдаем две разновекторные тенденции: с одной стороны, приходится сталкиваться с угасающей этничностью, подавляемой глобалистскими императивами, на которые правомерно указывает диссертант, а, с другой стороны, очевидно появление новой нарождающейся этничности, подпитываемой традиционной культурой и выступающей как контротражение глобалистского давления. Сегодня в Китае одновременно сосуществуют традиционная, индустриальная и постиндустриальная культуры, что не только указывает на наличие обеих актуализированных тенденций, но и на устойчивость цивилизационного культурного кода. В этой связи правомерно утверждение соискателя Е.А. Авходеевой о возникновении в китайской культуре механизма детерминации социального поведения человека и особого типа личности «с высокой способностью к самоконтролю и высоким чувством культурной ответственности» (стр. 12). А отсюда, по мысли диссертанта, «китайский вариант существования человека-в-культуре – это осознанная позиция предельно ответственного актора культуры» (стр. 12). Это авторское суждение, выносимое в качестве положения для публичной защиты, на наш взгляд, вполне репрезентативно и многократно подкрепляется материалами самой диссертации, как и преобладающая часть иных защищаемых Е.А. Авходеевой тезисов. Отмеченные обстоятельства позволяют говорить о достаточной фундированности рецензируемого исследования и новизне авторского научного поиска.

Специфика философского решения задач национально-культурной идентичности зависит от понимания того, что такое философия: занимается ли она поиском онтологических оснований рассматриваемых явлений или стремится к созданию теорий трансдисциплинарного содержания, или представляет собой форму индивидуально-личностного отношения исследователя к предмету философского дискурса. Автор пошёл по пути осмысления и решения этих задач на трансдисциплинарном уровне, постоянно позиционируя себя исключительно в рамках философского дискурса.

В частности, Е.А. Авходеева опирается на понимание культуры как знаковой системы. Данный подход, при котором культура рассматривается как совокупность знаковых систем, воспроизводимых, прежде всего, в общении между людьми, и верований в значение знаков, даёт возможность соискателю интерпретировать культуру, во-первых, как многоуровневое образование (вербальных, визуальных и пр. знаковых систем и их комбинаций), во-вторых, как объединение или пересечение знаковых множеств. Каждая культурная общность, в том числе Поднебесная, обладает спецификой знакового множества, отличающей её от других культурных образований, но в то же время семейство множеств и семейство семейств знаковых множеств объединены хотя бы одной, общей для всех, системой знаков, что позволяет рассматривать их как единое образование и что прекрасно презюмирует соискатель на примере китайского языка.

Во втором параграфе второй главы Е.А. Авходеева правомерно характеризует культуру Китая как закрытую знаковую систему и обращает внимание на ряд имманентно присущих ей черт. В частности, соискатель констатирует «наличие *пространства для диалога* традиций и новаций в поле самой культуры» (стр. 90). Китайская цивилизация, по мнению диссертанта, «всегда представляла собой особый сплав культуры и государственности», что восходит к конфуцианству, традиционно уделявшему большое место «вопросу об идеальных *отношениях народа и власти*. Государство выполняло роль централизующего равновесного начала», а «искусство управления народом» в нём «сравнивается с искусством приготовления сложных и изысканных блюд» (стр. 91).

Следует также поддержать вывод Е.А. Авходеевой о китайской модели позиционирования в мировом культурном пространстве (стр. 66 – 67), базирующейся не на экспансионистских императивах и потому являющейся привлекательной для других народов. Китай выбрал сценарий взаимодействия культур, когда после «дегустации» западного стиля жизни, внешне заметного

проникновения феноменов западной культуры, китайское общество не только сумело сохранить свою национально-культурную идентичность, но и осуществило культурную регенерацию традиционных представлений о Китае как центре мира и лидирующей роли Поднебесной, целенаправленно реализующей принцип «юйши цзюцзинь» – «идти в ногу со временем».

Тем самым, одной из центральных проблем исследования для Е.А. Авходеевой становится сюжет об инокультурном заимствовании в современной китайской культуре. С этим связаны и вопросы поиска своих моделей и способов сохранения национально-культурной идентичности в условиях открытого культурного пространства; процессы добровольного осознанного копирования эталонных культурных образцов и принуждения к воспроизводству культурного кода под давлением регулятивов культуры; контролируемое введение чужих культурных феноменов в поле своей культуры; и др.

В кандидатской диссертации Е.А. Авходеевой мы обнаруживаем все три исходных социокультурных дискурса национально-культурной идентичности, рассматривающиеся исследователем в ретроспективе как взаимодополняющие друг друга в научном описании идентификационных механизмов китайского этноса. Они неизбежно складываются на разных структурных уровнях базисного для китайской культуры типа личности (обозначаемого соискателем, в частности на стр. 58, как способного к осознанному воспроизводству культурного кода): во-первых, на уровне формирования идентичности (здесь автор апеллирует к элементам психоанализа); во-вторых, на уровне подтверждения идентичности (интерпретируемого соискателем с помощью постулатов символического интеракционизма); в-третьих, на уровне предъявления идентичности (в этом случае диссертант обращается к статусно-ролевым концепциям). В тексте кандидатской диссертации проявлен определённый интерес и к экзистенциальной проблематике, большое место в работе отводится ценностно-символическим и тексто-смысловым аспектам национально-культурной идентичности в условиях динамического акценти-

рования внимания в открытом культурном пространстве на несовпадении пространственно-временных и ценностно-смысловых градаций социокультурного бытия.

Китай, как правомерно резюмирует в заключение своих научных изысканий соискатель, «с одной стороны, открыт для других культур (что развивает и обогащает культуру), с другой стороны, инновации сталкиваются с активной работой культурных фильтров. Это происходит во многом благодаря сложной структуре китайского языка, который не только воспроизводит основные ментальные константы носителя культуры, но и отчётливо маркирует культурное пространство, позволяя легко ориентироваться и воспринимать инокультурные феномены как «чужие», а значит, сохраняет настороженное отношение к ним, растягивая время их вхождения в пространство культуры» (стр. 143–144).

Вместе с тем, наряду с несомненными достоинствами диссертационного исследования Е.А. Авходеевой, необходимо отметить наличие в нём некоторых спорных положений, отдельных ошибок, недочётов и недостатков, на которые следует обратить внимание:

1. Национально-культурная идентичность, с точки зрения соискателя, «представляет собой перманентный процесс и конечный результат репрезентации единичной личности в культурно-символическом (смысловом) пространстве национального/этнического сообщества, в ходе которой воспроизводится культурный код» (стр. 11). Это положение, выносимое на защиту, наш взгляд, не корректно, ибо при известном допущении трансформации национально-культурной идентичности в ней должны постулироваться некие реперные точки, ориентиры идентичности, к чему отчасти приходит диссертант, рассуждая об этнониме, авто- и гетеростереотипах, национальном менталитете и др. Но, тем не менее, следует всё же чётко отграничивать в культурно-философском плане процесс от достижения цели, а потому необходимо отличать национально-культурную идентификацию, как процесс обретения

национально-культурной идентичности (установления, совпадения, отождествления, опознания, уподобления, подражания, интериоризации, слияния, формирования инстанции, поиска источника саморазвития, и т.д.), и систему «доминирующих в обществе ценностей и смыслов, которые сформировались в ходе цивилизационного развития», в качестве образцов (фреймов) национально-культурной идентичности. Причём, «репрезентации единичной личности в культурно-символическом (смысловом) пространстве национально-го/этнического сообщества» будет явно недостаточно, поскольку в такой же репрезентации нуждаются и молодые поколения в целом, равно как и иные группы при их национально-культурной регенерации (например, появление групп молодых китайок «эрнай» и «сяосань» как бриколаж традиционнокультурного социально-психологического «комплекса императора»);

2. Представляется весьма спорным третье положение, выносимое соискателем на защиту, о двухуровневой модели национально-культурной идентичности, состоящей из идеологемм, как понятийно-образных структур, и феноменов, как предметно-практических воплощений (стр. 11). Как мы полагаем, культурфилософская категория национально-культурной идентичности гораздо сложнее и восходит, прежде всего, от партикулярной культуры (культуры традиционной; обычаев и традиций) к среднему уровню социокультурных сопряжений в виде понятийно-образных структур, избранных по жизни культурных ориентаций и системы ценностей, которые Е.А. Авходеева обозначает как идеологеммы, но мы бы уточнили – идеологеммы национальной духовной культуры. Далее, национально-культурная идентичность предполагает систему социально-психологических реакций, что давно принято в науке называть национальным менталитетом. Метасоциальный слой национально-культурной идентичности достаточно предметно может быть представлен в виде национальной идеи. Вопрос заключается в том, что именно сегодня для КНР выступает в качестве таковой: «Большой Китай» и/или «Великий шёлковый путь»?!

3. Соискатель на стр. 69 диссертационного текста пишет о специфике национальной идентичности, связанной с отношением в реформируемом китайском обществе к хуацяо. Однако, этот тезис не получил дальнейшего развития в плане сохранения национально-культурной идентичности. Да, действительно, дословно, как указывает Е.А. Авходеева, «хуацяо» = «Китай» + «за границей», то есть «эмигрант из Китая». Однако при этом следовало бы описать две основные категории хуацяо, каждая из которых отражает определённый срез в китайской культуре. Во-первых, к ним относят группу граждан КНР, временно проживающих по разным причинам за границей. Во-вторых, речь идёт о потомках китайских эмигрантов, уже давно выехавших из страны. К тому же обе группы хуацяо сохраняют национально-культурную идентичность. Причём, для китайского мировоззрения эмигрант – это вовсе не человек, покинувший страну, а китаец, выехавший из страны. Для китайца возвращение на родину, даже через много-много поколений, ментально воспринимается как его счастливое воссоединение со своей семьёй. В китайском менталитете правовой статус гражданина заменяется местом жительства, нахождением китайского мира. Действует принцип: там, где находится китаец, там и формируется китайский мир. Китайские миры неотделимы друг от друга. В этом заключается социокультурный феномен хуацяо как неотъемлемого элемента китайской культуры, демонстрирующего яркий образец национально-культурной идентичности;

4. При выстраивании социолингвистических моделей национально-культурной идентичности в третьем параграфе второй главы (стр. 117–139) соискатель сосредотачивает внимание на способности китайского языка формировать менталитет, маркировать культурное пространство и противостоять языковой ассимиляции. Причём, в формулировках итоговых выводов Е.А. Авходеева акцентируют внимание исключительно на бинарной оппозиции «свой – чужой», однако другие волгоградские исследователи, в частности, Е.Ю. Кислякова и В.В. Соломина обосновывают необходимость исполь-

зования концептуальной триады «свой – чужой – иной». Ведь «с признанием посреднической функции языка в процессах категоризации и концептуализации уместно задаться вопросом, с помощью каких парадигм языковых средств и в диапазоне каких языковых категорий язык отражает бинарность мировосприятия и миропонимания, выраженную в смысловых дихотомиях «свой – чужой», «свой – иной» (Кислякова Е.Ю., Соломина В.В. Концептуальная триада «свой – чужой – иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (10). С. 75). Ответа на этот вполне ожидаемый философско-культурологический вопрос мы в рецензируемой диссертации не обнаруживаем и рассчитываем получить комментарии диссертанта по этому поводу в ходе публичной защиты.

Высказанные замечания никоим образом не опровергают общей положительной оценки диссертационной работы. Результаты исследования изложены в 14 научных публикациях Е.А. Авходеевой, в том числе 6 статьях (из них 2 в соавторстве) в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для защиты докторских и кандидатских диссертаций, общим объёмом 4,2 печ.л., в которых достаточно полно отражены основные научные результаты и выводы рецензируемой кандидатской диссертации. Изданный на правах рукописи автореферат кандидатской диссертации соответствует содержанию рассматриваемого диссертационного исследования.

В целом же, представленную к процедуре публичной защиты кандидатскую диссертацию Е.А. Авходеевой «Сохранение национально-культурной идентичности в условиях открытого культурного пространства (на примере Китая)» можно считать вполне самостоятельным, законченным научным исследованием, цельной научно-квалификационной работой, теоретические результаты которой нами квалифицируются как решение важной научной проблемы, имеющей историко-культурное значение, что является в соответствии с нормативным содержанием п. 9 «Положения о присуждении учёных степе-

ней» (утвержденного Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г.) достаточным основанием для присуждения Авходеевой Евгении Андреевне искомой учёной степени кандидата философских наук по научной специальности 24.00.01 – теория и история культуры (философские науки).

Официальный оппонент:

Доктор философских наук,
 (отрасль наук – философские науки;
 специальность 09.00.11 – социальная философия),
 доктор исторических наук (отрасль наук – исторические науки;
 специальность 07.00.02 – Отечественная история), профессор,
 заведующий кафедрой теории государства и права
 и отечественной истории федерального
 государственного бюджетного образовательного
 учреждения высшего профессионального образования
 «Южно-Российский государственный
 политехнический университет (НПИ)
 имени М.И. Платова» Скорик Александр Павлович

Контакты: ФГБОУ ВПО ЮРГПУ(НПИ) имени М.И. Платова,
 346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск,
 ул. Просвещения, 132;
 тел.: 8(8635) 25-55-14, e-mail: s_a_p@mail.ru

Подпись профессора Скорика Александра Павловича, заверяю

Учёный секретарь
 ФГБОУ ВПО ЮРГПУ(НПИ)
 имени М.И. Платова Холодкова Нина Николаевна

